

The image features a woman with long brown hair holding a baby in a white dress, and a man with dark hair and a beard in a suit in the foreground. The background is a blurred indoor setting.

АННА
Гур

Развод.
ТЫ ПРЕДАЛ СЕМЬЮ!

Анна Гур

Развод. Ты предал семью

Серия «Одержимые»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70388413

Развод. Ты предал семью:

Аннотация

– Ты изменил мне, – выдыхаю едва слышно, боль пульсирует в сердце, и все надежды на счастливую семейную жизнь сгорают.

– Да, – резко отвечает муж и обжигает меня ненавидящим взглядом, а потом бьет наотмашь злыми словами: – Я хочу, чтобы ты убралась из моего дома немедленно, чтобы собрала все свои вещи, и ничто не напоминало о тебе, потому что ты – прошлый этап.

Сглатываю ком, сердце обжигает болью, а я смотрю на женщину, которая обдаёт меня высокомерным взглядом, примеряя на себя роль новой хозяйки моего дома...

Мое сердце разбивается вдребезги, и я шепчу едва слышно:

– Запомни, Назар, когда ты придешь ко мне вымаливать прощение, я тебя не прощу!

С болью в груди я разворачиваюсь и ухожу, храня под сердцем тайну, о которой предатель–муж не узнает...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	55
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Анна Гур

Развод. Ты предал семью

Глава 1

Сати

– Я беременна.

Эту фразу должна была сказать я, потому что именно сегодня утром узнала о радости, тест показал две полоски, а это значило, что я вновь беременна...

И счастьем не было предела, я хотела поехать к Назару, чтобы сообщить ему лично о том, что у нашей Алечки появится братик или сестричка, но решила дождаться вечера. Занялась делами, все время поглядывая на телефон, нетерпение захлестывало, все-таки хотелось позвонить мужу и сообщить о радостной новости, но вместо этого на мой мобильный поступил звонок от сестры.

– Сати, – прорыдала она в трубку, – приезжай... приезжай, пожалуйста!

– Что?! Что случилось, Ириска?! Где ты?!

– Просто приезжай, сестра... Я... я... я в нашем кафе.

– Будь там, я сейчас выезжаю!

На улицу я буквально выбежала, быстро села за руль ав-

томобиля и постаралась успокоиться, чтобы не попасть в дорожное происшествие.

И вот теперь я сижу в кафе, а моя незамужняя умница-студентка сестра оглушает меня фразой:

– Я беременна...

И если в моем случае новости о беременности для всей нашей восточной семьи – это долгожданное событие, так как у нас с Назаром несколько лет не получалось со вторым ребенком, пусть все врачи и говорили, что по большому счету у меня проблем нет, но после первых родов беременность не наступала... Хотя нашим первенцем я забеременела быстро, и нашему счастью с мужем не было предела, когда родилась наша Аля...

Но сейчас... В случае с сестрой известие о ее беременности просто шоковое.

Я в полном ступоре смотрю в лицо своей сестренки, и сердце сжимается.

– Что значит беременна, Ис? – спрашиваю враз пересохшими губами. – Ты сейчас шутишь, да?!

Но моя умница-красавица сестра лишь отрицательно качает головой, и в ее красивых глазах начинают сверкать слезы.

– Я... я... беременна... – повторяет вновь, и я будто проваливаюсь в какой-то омут.

Моя младшая сестра – любимица отца. Ираида прекрасно

учится в медицинском университете, и все семейство всегда гордится ее успехами.

Мой строгий отец даже хвалится на больших семейных мероприятиях успехами своей любимицы. По сути, мы все стараемся его не огорчать, так как у отца шалит сердце, а после перенесенного инфаркта его лечащий врач запретил ему любые переживания...

– Ириска...

Выдыхаю вновь и не могу ничего большего сказать. Ребенок – это всегда благодать. Я сама мама, тем более я знаю, что такое мечтать о малыше и иметь проблемы со здоровьем, когда есть понимание, что, может, никогда и не забеременеешь. И сейчас я смотрю в красивое лицо Ири и просто прижимаю свою младшенькую к груди, обнимаю ее и даю поддержку, о которой она меня безмолвно просит.

– Расскажи мне, милая, кто отец твоего ребенка. Мы стараемся все решить.

Сестра всхлипывает и переводит на меня свои темные глаза, жметесь, кусает губы, словно говорить не хочет.

– Не волнуйся. Отцу пока ничего не скажем. Возможно, есть решение, если ты любишь этого парня, чувства взаимны, то...

Но сестра вновь всхлипывает, и слезы текут у нее по щекам, а у меня закрадывается сомнение, которое душу леденит.

– Скажи мне, от кого ты беременна, сестра. Не бойся, если

что, я попрошу Назара по-мужски поговорить с твоим парнем.

– Нет! – неожиданно повышает голос, и я даже от ее крика вздрагиваю, парочка посетителей, сидящая неподалеку, бросает на нас внимательный взгляд.

– Только не твой муж! Не говори ему ничего! Только не ему!

Сестра начинает дрожать, как в припадке, а я беру ее руки в свои и говорю четко:

– Расскажи мне, кто отец твоего ребенка. Позволь помочь. Это твой сокурсник?

Она вновь прикусывает губы и выговаривает с надрывом.

– Я... не знала, кто он! Честно! Сати, я не знала! Мы случайно познакомились, я просто чуть не попала под его машину... перепугалась... он меня чуть ли не насильно усадил в автомобиль и подвез... а там... я просто влюбилась без памяти, и у нас закрутилось...

– Я так понимаю, он старше тебя, да?

Вглядываюсь в глаза сестры, она кивает.

– Не бойся, милая, просто скажи мне, кто отец. Почему ты так боишься назвать его имя? Я его знаю?

Пытаюсь докопаться до истины, а сестра шмыгает носом и произносит имя, от которого я вздрагиваю:

– Аббас Багиров.

Замираю в шоке. Гляжу на сестру во все глаза и поясняю осипшим голосом:

– Ты сейчас про конкурента моего мужа говоришь? Того самого Багирова?

Переспрашиваю, чувствуя, как на спине выступают холодные капельки пота, учитывая, в каких отношениях наши семьи находятся.

– Я не знала, кто он... Честно! Я случайно... я не думала... а потом... когда поняла, кто он...

– Уже было поздно, – продолжаю за нее и прикусываю губу, когда осознание режет пониманием, что сестра влипла и серьезно.

– Дай мне его номер телефона, – выговариваю ровно.

– Что... что ты хочешь сделать? – спрашивает испуганно.

– Поговорить, – спокойно отвечаю, хотя на душе кошки скребут.

Сказать, что Ираида попала, – ничего не сказать, но, прежде чем делать выводы, я должна поговорить с мужчиной, который вскружил голову сестренке.

Она все-таки называет личный номер Аббаса. Я же, успокоив и проводив сестру домой, звоню одному из тех, кто является злейшим конкурентом моего мужа.

Багиров отвечает со второго гудка.

– Слушаю, – холодный голос, и я прикрываю веки, так как приходится разговаривать фактически с врагом Назара.

– Я сестра Ираиды и хочу встретиться с вами. Нам нужно поговорить.

Пауза еще длится. Но затем мужчина называет адрес ре-

сторана, куда я незамедлительно направляюсь.

На ресепшене называю фамилию Аббаса, и девушка администратор, радушно улыбнувшись, провожает меня до углового столика, где сидит представительный молодой мужчина, с которым мы шапочно виделись, и которого терпеть не может Назар. Эта нелюбовь у них взаимная и имеет свои причины, о которых мне толком неизвестно.

Единственное, что известно – Аббас и Назар яростные конкуренты в сфере бизнеса, и я хочу понять, специально ли этот мужчина соблазнил мою сестру, или здесь нечто иное.

– Неожиданно видеть жену Назара, – выдает с нажимом, вглядываясь в меня.

– Неожиданно узнать, что вы встречаетесь с моей сестрой, – бросаю ответную фразу, и Аббас мрачнеет, прищуривается и по сторонам смотрит, будто ищет кого-то. Затем вновь фокусирует темный взгляд на мне.

– Где Ираида?!

– Дома, – отвечаю спокойно, – в этот час незамужняя девушка должна быть дома.

Опускает глаза. Сжимает зубы, желваками играет, затем вновь поднимает взгляд на меня.

– Я люблю твою сестру, – говорит с нажимом, – и она любит меня.

А я выдыхаю горько, кусаю губу и выстреливаю правдой:

– Насколько я знаю, Аббас Багиров, ты женат.

Дергается, будто удар хлыстом получает, что совсем неда-

леко от действительности.

– У меня бракоразводный процесс, – сообщает четко и добавляет: – который начался задолго до того, как я встретил Ири.

Прикрываю веки. Понимаю, что сестра ни в чем не виновата. По сути, она молодая девчонка, которую закрутил в омут любви взрослый, влиятельный мужчина, но... все это грозит обернуться огромной катастрофой, учитывая, в каких отношениях находятся наши семьи, и тот факт, что сестра беременна...

– Вы понимаете, чем грозит моей сестре эта ситуация?! Понимаете, что может быть?!

Всматриваюсь в серьезное лицо мужчины.

– Поэтому наши отношения мы пока держим в тайне. Как только я получу на руки все документы – Ираида станет моей женой, но до этого момента, который произойдет в ближайшее время, я не намерен ставить ее под удар.

Так и хочется прокричать, что этот надменный тип ее уже подставил, когда уложил в постель и... теперь она беременна...

– Я очень серьезен по отношению к Ираиде, – вновь заявляет уверенно, а я чувствую, как от напряжения у меня голова гудит. Взрывается просто. Мне становится плохо. Все начинает плыть.

– Плохо стало?

Перед глазами возникает бокал с водой, который я прини-

маю с благодарностью, делаю глотки освежающей жидкости и немного прихожу в себя.

Понимая, что слабость прошла, Аббас заглядывает мне в глаза и говорит спокойно:

– Я не откажусь от Ираиды. Вижу, что ты любишь сестру, иначе бы не пришла говорить со мной, поэтому прошу. Дай нам немного времени. Дай мне разобраться со своими проблемами, чтобы решить все правильно.

Понимаю, что, если расскажу о взаимоотношениях сестры с Багировым кому-то из семьи, я подставлю ее. Очень сильно. Обрушу позор на ее голову, поэтому и отвечаю, собравшись.

– Хорошо. Но времени у тебя мало.

Кивает.

– Я знаю, – вглядывается в мои глаза и добавляет: – Спасибо.

Поднимаюсь, и вновь нападает слабость. Опираюсь о стул, и Багиров ловит меня за локоть.

– Может, врача? Ты побледнела, – говорит участливо, но я качаю головой.

– Просто устала, день сегодня наполнен потрясениями, мне пора домой.

– Я провожу, – выдает ровно и не принимает мой отказ.

Мы выходим из ресторана вместе, Багиров не отпускает моего локтя, поддерживает, но, даже несмотря на это, после дождя на мокрой улице у меня каблук поскальзывается, и,

если бы не помощь мужчины, я бы упала. А так он на краткое мгновение прижимает меня к своей мощной груди, и я сразу же дистанцируюсь, как только возвращаю равновесие.

Я сажусь в машину и уезжаю. Еду домой, обдумывая всю ситуацию, в которую оказалась вовлечена.

У меня никогда не было тайн от мужа. Назар – сильный мужчина, жесткий, но со мной просто необыкновенный. С ним как за каменной стеной, что называется. Но в отношении других Усманов скор на расправу.

И сказать ему о том, что моя сестра и его конкурент...

Вся в мыслях я, только подъехав к нашему дому, замечаю невероятное количество пропущенных от Назара.

Кажется, я случайно оставила телефон на беззвучном режиме и забыла включить. Сжимаю мобильник в руках и захожу в дом, сразу же удивляясь тому, что в гостиной нахожу не только своего мужа, но и свекровь, которая вскакивает с дивана, будто только меня и ждала, и выкрикивает:

– А вот и она! Бесстыдница!

Глава 2

Меня буквально парализует от тех слов, которые я слышу. Никогда муж не поднимал на меня даже голоса, никогда и никто не оскорблял меня, а сейчас словно ведро помоев на мою голову льется, и я, как выброшенная на берег рыба, даже вдохнуть не могу.

Свекровь не теряет, кричит и подскакивает ко мне, цепляет меня за локоть и начинает трясти так, что у меня голова кругом идет. Она кричит, а я взгляд перевожу на Назара, молча молю его о помощи, так как его мать явно с ума сошла, иначе это объяснить невозможно.

Но мой муж смотрит на меня с презрением. На его красивом волевом лице холодная маска отчужденности, в то время как взгляд буквально полыхает чем-то страшным, опасным.

Я знаю каждую черточку его лица, знаю, что, когда он тепло улыбается, от его светло-голубых глаз идут лучиками маленькие морщинки. Я знаю, каким нежным он может быть, как умеют целовать его твердые губы.

Еще сегодня ночью он ласкал меня, целовал, прижимал к себе и любил так, что я теряла себя, а сейчас его светлые глаза будто льдом покрываются, обжигают меня своим холодом.

– Мерзавка! Я всегда говорила, что ты не достойна дома Усмановых! Но кто меня слушал?! – продолжает кричать мать моего мужа, и я гляжу на перекошенное от гнева лицо.

О том, что Амалия меня не любит, я знала. Это не новость. Черствая, высокомерная женщина явно демонстрировала, что просто терпит меня. И причина мне также известна.

Мать моего мужа изначально мечтала привести в дом дочку своей старой подруги.

Я слышала, что две подруги сватали ее за Назара, пытались их свести, и, когда им показалось, что у них почти получилось привести в дом невестку – мой муж этого не захотел. Отказал в жесткой форме. Разрушил мечты своей матери видеть своей невесткой Фатиму.

И причиной была я. Тогда, конечно, все было для меня тайной. Я даже не знала, что нечаянно помешала чужим планам.

Просто Назар полюбил меня...

Я попалась ему на глаза совершенно случайно. Назар Усманов приехал к нам домой по вопросам бизнеса. Отец был у него одним из поставщиков в важном проекте, но... произошла накладка, очень серьезная. Судя по всему, Усманов мог подать на отца в суд и заставить заплатить огромнейшую неустойку.

Папа не справлялся с теми обязанностями, которые должен был исполнить по контракту. У него были на то причины, он слег, у него был инфаркт, поставки были остановлены, и наша небольшая фирма попала на серьезнейшие неустойки.

Так как отец большую часть времени лежал и был не в состоянии покинуть дом, а о его состоянии узнал Усманов, он решил пообщаться лично с поставщиком, чтобы понять, давать ли ход судебному делу...

Я не знала о том, что у нас в доме гость, пришла к отцу с каким-то вопросом и замерла, когда совершенно случайно встретилась с огромным широкоплечим незнакомым мужчиной в кабинете отца.

Я тогда взглянула в пронзительные голубые глаза Назара, которые так контрастировали с чуть смугловатой кожей, и пропала...

Мне показалось, что меня молнией ударило. Захотелось сразу же убежать, скрыться, спрятаться.

Мужчина, который смотрел на меня так пронзительно, откровенно пугал и заставлял сердце в груди сбиться с ритма. Я смутилась, единственное, что смогла сделать, – это улыбнуться и, извинившись, выйти из кабинета...

Потом я узнала, что Усманов не стал подавать на отца в суд, и неустойки, которые должен был заплатить отец, были сняты.

Затем нас с семьей пригласили в особняк Усмановых на мероприятие. Тогда, на том вечере, мне все время казалось, что за мной наблюдают, и, пару раз обернувшись, я натыкалась на пронзительный взгляд brutального красавца, вокруг которого будто летала аура опасности и силы.

– Назар Усманов. Завидный жених. Очень резкий и же-

стокий человек, – услышала я тогда голос отца, который переговаривался с матерью, – если бы он обратил внимание на одну из наших дочерей...

Услышав эту фразу от отца, я сильно удивилась и старалась больше не попадаться на глаза Усманову.

Не знаю. Наверное, я немного струсилa из-за тех чувств, которые вспыхнули в моей груди от одного взгляда на мужчину.

Вокруг Назара на том вечере собирались представительные бизнесмены, они беседовали о делах, и я замечала, что к этому мужчине прислушиваются.

Тогда я сбежала и вовсе ушла с приема в сад, который был открыт для гостей, вошла в оранжерею и застыла от окружающей красоты.

Я всегда любила цветы... Они меня успокаивали, а на вечере Усмановых у меня сердце билось пойманной птицей в грудной клетке.

– Любишь цветы? – вопрос, заданный бархатным голосом, заставляет встrepенуться и повернуться, увидеть перед собой Назара.

Вблизи этот мужчина возвышается надо мной, как скала, и цепкие глаза смотрят внимательно, рассматривают, скользят по моему лицу, а у меня дыхание будто останавливается.

– Да. Особенно хризантемы, – отвечаю, улыбнувшись.

– Интересный выбор. Обычно слышу, что большинство обожает пионы.

Пожимаю плечами. Красивые цветы. Дорогие.

— Вам виднее, что предпочитает большинство, — мой ответ мне самой кажется колким, и я даже смущаюсь от того, что могу оскорбить хозяина дома, в котором я всего лишь гостя. Но Усманова мой ответ веселит, он запрокидывает голову и смеется о души.

В тот вечер мы обменялись несколькими фразами, которые я прокручивала в голове всю ночь, вспоминала красавца мужчину с четкими волевыми чертами лица, а к утру завершила себя, что мне не на что надеяться...

Как говорится, где я и где он...

Только вот Назар на следующий день появился у моего университета, а в руках держал букет белоснежных хризантем...

И в эту же встречу он заявил, что я стану его...

Тогда я отшутилась и сказала, что подобные заявления может делать только мой муж. На что Назар Усманов с совершенно серьезным лицом произнес:

— Значит, ты станешь моей женой.

Я влюбилась в него. Без памяти. Хотя в такого, как Усманов, невозможно не влюбиться...

Он хваткий. Жесткий. Резкий. Скор в принятии решений. Но со мной...

Со мной этот мужчина всегда был необыкновенно мягок, мои действия вызывали у него улыбку. То, что я не далась ему так же легко, как все женщины до меня, вызвало в нем

азарт хищника. Помню, как он однажды признался, что во мне его зацепил именно тот момент, что я сторонилась его, отталкивала и не пыталась предлагать себя.

Я тогда посмеялась, и муж прижал меня к себе и поцеловал.

– У меня от тебя крышу просто напрочь сорвало. От тебя. От твоей недоступности...

Он целовал и любил меня, заставляя чувствовать, насколько сильно желает меня, и я плавилась в его руках. Всегда ощущая его как опору, защиту...

А вот сейчас я смотрю в лицо мужчины, в которого влюбилась без памяти, и ничего не понимаю. Натыкаюсь на стену. Его лицо – маска, зубы сжаты, желваки ходуном ходят.

А глаза... они льдом покрыты... нет больше пламени, нет хитрого прищура и полуулыбки, когда он рассматривает меня за секунду до того, как наброситься, прижать к себе и брать без устали...

Мне часто завидовали. Подруги считали, что я вытащила золотой билет, потому что Назар Усманов не просто крупный бизнесмен, он еще и красавец, вслед которому шеи сворачивают.

Смоляные волосы, светлые глаза, смуглая кожа, хищные черты волевого лица... Но за этой красотой прячется зверь. Я не раз слышала, что в бизнесе ему нет равных в жестокости, с которой он расправляется с конкурентами, которые переходят ему дорогу. Он выкупает их фирмы и расширяет

свои бизнес-проекты.

И, вот кажется, в эту самую секунду я сама сталкиваюсь со второй стороной личности моего мужа. Той самой, которая вселяет страх и непонимание.

– Как ты могла не оценить той чести, когда такую, как ты, приняли в семью?!

Вопль моей свекрови оглушает, я смотрю в перекошенное от гнева и злобой лицо и не понимаю, почему эта женщина так ненавидит меня. При этом при сыне она всегда была со мной подчеркнуто вежлива, улыбалась, да и, что сказать, откровенно на конфликт не шла.

Я чувствовала ее истинное отношение по деталям, нюансам, по взгляду, который она останавливала на мне, думая, что я не замечаю. Старалась быть доброй и хорошей невесткой для нее, пыталась не замечать ту шершавость, которую ощущала. Впрочем, для окружающих Амалия – эталон и идеал, но я не ошиблась в ней за все эти годы.

Прямо сейчас ее ядовитые слова, ее обращение ко мне показывает истинное отношение ко мне.

– Прекратите кричать на меня! – отвечаю, теряя терпение и также повышая голос, вновь гляжу на своего мужа и произношу четко: – Назар! Твоя мать оскорбляет меня! Как ты это допускаешь?! Что здесь вообще происходит?!

– Ты еще вопросы смеешь задавать?! – шипит змеёй моя свекровь.

А Усманов... он не отводит от меня взгляда, в котором

пылает едва сдерживаемая ярость, и выдает с ледяной интонацией:

– Расскажи мне, Сати, где именно ты была в такой поздний час, когда порядочная женщина и жена должна быть дома?!

Муж просто обжигает меня своим взглядом. Там такое пламя вспыхивает, что мне страшно становится. И я открываю рот, чтобы ответить и наконец поставить точку в этой какой-то бредовой ситуации. И из моего горла не выходит ни единого звука.

Потому что до меня доходит, что именно сейчас происходит...

Я ведь не могу открыть мужу правду. Просто не могу! Ведь я была на личной встрече с Аббасом Багировым...

С ярым врагом моего мужа, его конкурентом, человеком, прошлое которого сокрыто. И я не могу понять до конца, чем такая лютая вражда между двумя мужчинами обосновывается.

Сейчас я понимаю, что не могу сообщить о том, с кем я была, где была, потому что начнутся вопросы.

С Аббасом Багировым меня ничто не может связывать.

Я не могу открыть причину встречи с Багировым, не поставив под удар Ири...

– Что же ты молчишь, Сати? – вновь говорит мой муж, и я вижу, как дергается кадык на его мощной шее. – Ответь мне. Где. Ты. Была?!

Я смотрю на Назара в отчаянии, кусаю нижнюю губу.

Я встречалась с врагом. Но у меня был повод!

Только вот... скажи я причину встречи и... перевожу взгляд на Амалию и понимаю, что не могу ответить на этот вопрос без вреда для моей незамужней сестренки, не могу открыть того, что моя сестра носит под сердцем ребенка Аббаса!

Узнай о таком позоре Амалия, она не просто использует это против меня и моей семьи, она уничтожит будущее Ираиды...

– Довольно, Назар! К чему этот фарс?! – мать моего мужа набирает обороты и разворачивается к сыну: – Ты хочешь добиться правды от этой предательницы?! Мы все знаем, где и с кем была твоя жена! О всевышний! Да если бы только мы знали, а не весь город...

Слова Амалии заставляют меня вздрогнуть, и я не удерживаюсь, выдергиваю руку из ее захвата, и от неожиданности моя свекровь выпускает мой локоть из захвата.

– Что вы такое сейчас говорите?! – шепчу пересохшими губами, но моя свекровь не реагирует.

Она произносит с нажимом, глядя на Назара:

– Подумай, сынок, что бы сказал твой отец, если бы был жив! Какой позор для нашей семьи!

– Хватит! – рывкает Назар и так, что я вздрагиваю. Он будто хлыстом ударяет, когда переводит темный взгляд на меня, но остановить разогнавшуюся Амалию не так-то про-

сто, она буквально брызжет агрессией, ввергая меня в шок своей следующей фразой.

– Фотографии уже просочились в интернет, сын. Вся страна знает, что жена Назара Усманова наставляет тебе рога с твоим же конкурентом!

Я прикусываю губу. Смотрю в глаза собственного мужа. Мне так больно от того, какой он сейчас, от того, что в нашу семью влезают его родственники...

Понимаю, что мне нужно остаться с Назаром наедине. Что нам нужно поговорить! Я хотя бы попытаюсь донести до него, почему я встречалась с Аббасом...

Но следующая фраза моего мужа рушит все мои надежды, все стремления.

– Сложно признать, но, кажется, я выбрал не ту женщину. Совершил ошибку...

Все слова, которые я хотела сказать, вылетают из головы, потому что Назар верит... Он верит всем, кроме меня!

– Так просто, да, Назар?

Упираю в него взгляд и чувствую, как колет зрачки.

– Так просто отказываешься от меня и всего, что было между нами?

Прикрывает веки, у него скулы заостряются, и кулаки сжаты. Такое ощущение, что он сдерживает себя, сдерживается от того, чтобы не слететь с катушек, не разнести здесь все.

Однажды такое уже было. Совсем недавно в холле при-

шлось сделать ремонт, потому что Усманов пришел в бешенство из-за взрыва на верфи, который, как выяснилось, организовали его конкуренты, чтобы сместить компанию мужа с рынка.

Я пришла домой и увидела разруху, остолбенела, заметив Назара, сидящего на лестнице, костяшки на его руках были в крови.

Помню, что бросилась к нему, не поняла, что произошло, обняла, прижала его к себе, и очень скоро мое тепло и ласка вылились в горячий секс...

Помню, как с трудом перевела дыхание и пришла в себя, заглянула в светлые глаза Назара и тихо прошептала:

– Я чувствую твою боль, дорогой, что произошло?

– Конкуренты. Подставляют. Сильно. На верфи случился взрыв, погибли ни в чем неповинные люди...

Прикрываю рот ладошкой и тихо выдыхаю:

– Назар...

А он мне в глаза смотрит, и там такая ярость просыпается.

– Я знал погибших, Сати, я их семьи видел, помню, как рады были, когда на встрече с сотрудниками я обещал, что заработок повысится, а теперь... теперь эти люди остались без кормильцев...

Больше я ничего не сказала, просто молча обняла его...

Впервые я тогда видела следы ярости Усманова, более того, в тот момент страсти он брал меня почти без передышки, спуская отголоски своей ярости, показывая, что все, что го-

ворят о жесткости моего мужа, — правда...

Возможно, тогда я и забеременела...

А сейчас...

— Назар... — вновь выдыхаю, пытаюсь достучаться, надеясь на что-то, но...

Усманов цедит зло:

— Что ты делала вчера в моем кабинете, жена?!

А я в полнейшем шоке гляжу на него, вспоминая, что, действительно, вчера заходила туда, как в любую из комнат нашего дома...

Но Назар давит дальше:

— Задам вопрос иначе. Почему ты слила информацию с моего компьютера?!

Меня так поражают слова Усманова, что я просто дар речи теряю, не верю, что он даже не хочет услышать мои оправдания, он мне только в вину ставит, обвиняет. И что-то у меня в груди ломается.

Чувствую эту боль, эту пульсацию. Мне словно в душу плюют, потому что мне всегда казалось, что, что бы ни случилось, что бы ни было, супруги должны объясниться, поговорить, попытаться понять друг друга, а Усманов... он здесь и сейчас будто палач и судья в одном лице, зачитывает мне приговор.

— Накажи ее, Назар! Обрушь позор на всю ее семью! Ты в своем праве! Ты должен поступить по закону нашей семьи! — начинает рядом орать Амалия, а у меня мурашки по спине

идут из-за ее крика.

Леденею. У меня мороз по коже, и я смотрю в глаза своего мужа. Мужчины, которого люблю... любила всем сердцем и не верю в то, что происходит прямо сейчас. В современном мире...

– Выгнать ее мало! – вновь орет женщина. – Что по нашим законам принято делать с такими, как она?! Пусть убирается из нашего дома! Пусть убирается!

– Замолчи, – глухой голос Назара заставляет Амалию заткнуться, так как Усманов не тот мужчина, который позволит женщине указывать, что ему делать.

Внезапно что-то наверху падает, и мы все замираем, а я поднимаю глаза и вижу, как на лестнице замерла моя дочка.

В ее огромных светлых, как у отца, заспанных глазках стоят слезы, в руке она держит за одно ухо своего любимого плюшевого зайца, без которого не засыпает.

Аля выглядит как встрепенувшийся, напуганный зверек, в своей пижамке с принцессами и босиком...

Мое сердце сжимается только от одного взгляда на дочку. Я боюсь, что эти крики не просто разбудили моего ребенка, но и напугали Алию...

– Дочка... – выдыхаю беззвучно.

Малышка останавливает взгляд на мне, и я по ее губам читаю, как она выговаривает:

– Мамочка...

И бегом спускается с лестницы, достаточно крутой, и я на-

чинаю бояться, что ребенок может поскользнуться и упасть.

– Алия! – вновь шипит змеей Амалия, пытается преградить дорогу моей доченьке, но она обегает бабуку и врзается в меня, начинает плакать навзрыд.

– Мама!

Обнимает меня своими тонкими ручками, буквально впи-
вается в меня так, что не отцепишь.

– Успокойся, родная... Успокойся...

Провожу руками по шелковым темным волосикам, пыта-
юсь успокоить малышку, у которой начинается самая насто-
ящая истерика.

А затем по мне будто автоматной очередью проходятся,
когда дочка навзрыд выговаривает:

– Почему папа такой злой? Почему бабушка кричит, что-
бы ты ушла?! Я не хочу, чтобы ты уходила... Не оставляй
меня, мама, не оставляй меня...

Дочка жметсЯ ко мне, а я обнимаю свою крошку, притя-
гиваю ее к груди. Слезы текут по моим щекам, мне больно
становится, нестерпимо просто.

Будто кто-то разрывает меня на части. Вся моя жизнь ру-
шится за мгновение. За секунду.

Одна крупИца недоверия способна уничтожить все, что
было выстроено за столько лет...

Или же свое счастье я сама себе нарисовала?!

А иначе как?!

Как такое может произойти?!

– Упокойся, милая... – шепчу едва слышно, хотя скорее сама себя успокаиваю и поднимаю глаза на Назара.

Он на меня смотрит. Глаз не отводит. Руки в карманах брюк, мощные плечи напряжены, черная рубашка обтянула сильную грудную клетку, как вторая кожа.

Такой родной и далекий одновременно. Будто стена между нами выстраивается. Прямо сейчас. Кирпичик за кирпичиком. Она становится высотой до небес и такой ширины, что не проломить, потому что...

Слишком много этих, потому что...

Приговор в его глазах и моя боль, потому что начинаю думать, что чувств не было, любви не было, доверия...

Иначе как он мог поверить во все и сейчас ставить в вину предательство и измену...

Улыбаюсь ему горько и отвечаю с нажимом:

– Выгонять меня не нужно. Я сама уйду от тебя, Назар.

Мне кажется, что мои слова гремят подобно раскатам сильнейшего грома. Я прямо сейчас понимаю, что не прощу ему этих оскорблений, не прощу, что поверил всем... кроме меня... Хотя мог просто поговорить...

– *Я люблю тебя, мальшика... Как же я тебя люблю... Кажется, что не жил до тебя... Во мраке был... Солнце мое...*

Воспоминание о нашей первой ночи, ночи нашей любви с шепоткой моей боли Кажется, что в прошлой жизни все было и с другим мужчиной...

Не с этим. Не с Назаром Усмановым. Жестоким и черст-

вым бизнесменом, у которого сердца нет...

Так о нем говорили всегда, и я понимаю, что были правы.

Это я себе нарисовала романтический образ и видела то, чего нет...

– *Я за тебя и в огонь, и в воду...*

Ложь! Наглая мерзкая Ложь!

Нам нужно было просто доверять и верить. Но если нет доверия и веры, разве есть брак?!

– Что ты сказала? – спрашивает и делает шаг в мою сторону, а у самого в глазах такое пламя загорается, что я сильнее к себе малышку прижимаю.

– То, что слышал, – произношу ровно, – дай нам собраться, и больше покой *вашей* семьи я не потревожу...

Делаю акцент на слове, подчеркиваю то, что отныне я себя частью семьи Усмановых не считаю.

– Назар! Отними у нее дочь! Ребенок принадлежит семье!

Визгливый голос свекрови режет слух, и я прикрываю уши Алии, чтобы малышка не слышала всю ту гниль, которую исторгает этот рот, но все равно дочка все понимает и сильнее в меня вцепляется.

– Мама... не оставляй! Мама... – рыдает так, что у меня сердце останавливается. – Мама, не оставляй...

– Не оставлю, милая. Скорее, умру, чем уйду без тебя...

Я прижимаю малышку к себе сильнее и смотрю в глаза Назара...

И так больно становится. Сегодня должен был быть один

из лучших дней нашей жизни, ведь именно в это утро я узнала, что долгожданная беременность наступила...

Сегодня в этом доме должен был быть праздник, веселье и радость...

Сегодня губы Назара должны были целовать меня, а руки обнимать, и мое сердце должно было разрываться не от боли, а от радости...

Но кто-то там распорядился иначе...

И вместо радости пришло горе...

Я утираю слезы с щеки, поднимаю голову и стараюсь выстоять под прицельным взглядом моего мужа...

И впервые в жизни я боюсь. Боюсь до дрожи. До одури из-за того, что может произойти...

Потому что... Я понимаю, что у Назара Усманова есть власть и деньги. У этого мужчины сила. Достаточно одного приказа охранникам...

Да что там охранникам! Такой крепкой мужчина может выломать мне руки и отцепить от меня ребенка, может отнять у меня все, лишь щелкнув пальцами...

Только вот надежда в моей груди все еще теплится...

И я гляжу на мужчину, которого так сильно любила, и сердце замирает в ожидании его решения...

– По закону дочь принадлежит нашей семье! – опять подает голос свекровь, а я все смотрю в глаза Назара, и сердце кровью обливается.

– Ты не имеешь права забирать с собой дочь, – раздается приговором со стороны Усманова, и у меня будто из-под ног земля уходит.

Мне кажется, что я получаю удар в солнечное сплетение. Я даже слова сказать не могу.

– Ты не поступишь со мной так, – выдаю, и по щекам слезы льются рекой, – ты не поступишь так с нами, Назар...

Выдыхаю едва слышно, у меня перед глазами черные точки прыгать начинают, становится невыносимо больно, и я все сильнее прижимаю к себе дочку.

– За что ты так с нами, Наз? – спрашиваю дрожащими губами, а сама поверить не могу, что передо мной мой любящий муж, мужчина, который стал моим первым, был моим единственным...

В его глазах сплошной холод и лед.

– Почему же не поступлю? – задает вопрос, приподняв бровь, обдает меня холодом и льдом. – Ты, кажется, не поняла, за кого замуж вышла, Сат. Так я проясню. Я не слюнтяй пацан. Я Назар Усманов, и у меня всегда продуманы все действия наперед. Хоть ты и моя жена. Но. Абсолютно все права у меня, а ты, дорогая моя, не имеешь ничего... Все документы были подписаны и заверены изначально. Ты приняла все условия, Сати, абсолютно все, и я в своем праве! – выговаривает резко, четко, и мой мир рушится. Все слова, которые хотела прокричать в оправдание гаснут, исчезают, стираются...

Назар Усманов...

Мужчина, которого я полюбила...

А теперь... что же получается теперь?!

Любил ли он меня когда-нибудь, если так легко стирает все, что между нами было, даже не выслушав, не поняв, не дав шанса?!

Хотя...

А любил ли он меня?!

Была ли я чем-то большим, чем легкая блажь миллиардера, привыкшего покупать и продавать, разрушать по щелчку пальцев?!

Там, где раньше цвела любовь, сейчас оказывается выжженная, голая земля...

Мои чувства, моя вера, надежда...

Все покрывается инеем... черным пеплом...

Слезы текут из глаз, а я вспоминаю, как он целовал меня в машине, как рука ползла под подол платья, и Назар шептал мне в губы:

– Мои адвокаты подготовили документы, поставишь подпись – и ты моя... Черт, как же я хочу тебя, сладкая, как хочу... Дождаться не могу, когда женой назову и наконец-то возьму свое... Ты – моя, Сати, запомни... Вся моя... полностью... Я от тебя с ума схожу, девочка...

Моргаю, прогоняя наваждение, а сама вижу истину. То, как перед заключением брака по настоянию юристов мужа, не глядя, подписала ряд документов...

Юная. Влюбленная. Глупая...

Я бы на все пошла, так голова кружилась, я бы все приняла, да и сейчас... до вот этой секунды я любила и... была готова на все.

И Назар добивает меня, повторяя, будто гвозди забивая в мое истерзанное сердце:

– У тебя нет никаких прав.

Он убивает сейчас наши отношения. Мою любовь... Нас...

Больше нет этого «мы»... есть я и он...

Глупая, влюбленная в мужа женщина и мужчина, который так легко способен уничтожить все и всех... даже ту, которую любил...

Или же не любил?! Может, это я любила и видела то, чего нет?

Бросаю затравленный взгляд на свою свекровь, которая смотрит на меня, вскинув подбородок, с высокомерием, которого уже не скрывает.

Амалия выглядит победительницей. Столько лет я была нелюбимой невесткой, а сейчас... сейчас весь яд, который эта женщина испытывает ко мне, находит выход...

Я всхлипываю. Меня трясти начинается, как в припадке.

– Мама... – выдыхает тихонечко Алия, малышка вцепляется в меня все сильнее, – мама...

Она не понимает, кокая трагедия сейчас происходит, не понимает, потому что еще совсем крошка, но ее сердце чув-

ствуется. Чувствует, в какой ад попадает вся наша семья, а я...

Я просто дар речи теряю от того, каким вижу собственному мужа. Расчетливый. Жестокий.

Я понимаю, что ребенка он у меня отнимет. Не отдаст мне Алию, и у меня по щекам слезы рекой текут от понимания, какую травму сейчас получит моя девочка. Что произойдет, когда ее будут вырывать из моих рук.

Я буквально вижу себя кричащую и дерущуюся, когда охранники Назара будут вырывать ребенка из моих рук, я будто слышу крик своей малышки в своих ушах, который будет непереносимым для меня...

Эти картины сменяют друг друга, они рушат мою жизнь, которую до этого мгновения я считала счастливой...

– Пожалей нашу дочь, Назар, пожалей Алию... прошу тебя... – вновь обращаюсь к мужчине, который этой ночью целовал каждый сантиметр моего тела, который ласкал меня со всей страстью, брал не только мое тело, но и душу отнял...

– Прошу...

Я пытаюсь пробить стену, пытаюсь донести до него, какой ужас происходит здесь и сейчас, хочу донести, что для ребенка нет сильнее удара, чем расставание с собственной матерью...

Но Назар неумолим. Он смотрит на меня так, будто готов растерзать собственными руками...

Хотя... Это вряд ли. Мараться не будет. Назар Усманов, скорее, даст команду своей охране, и меня выбросят на ули-

цу, и в подтверждении своих мыслей я слышу его жестокий ответ:

– Дочь останется, а ты уйдешь. Сейчас.

Глава 3

Мне от этих слов так плохо становится, будто сами небеса на мою голову обрушиваются. Алия прижимается ко мне еще сильнее.

– Мамочка... я не понимаю... Почему папа такой злой?

Голос дочки заставляет меня скинуть с себя оцепенение, я будто в себя прихожу и опускаю взгляд на малышку. Замираю от того, как она на меня смотрит, распахнув свои огромные глазки, и на длинных ресничках застыли слезы.

У меня просто сердце кровью обливается, но я не могу позволить, чтобы моему ребенку нанесли тяжелую душевную травму, поэтому я заставляю себя улыбнуться и произнести:

– Все хорошо, моя родная, мы с папой просто шутим... Помнишь, игра такая, мы с тобой в куклы так же играем...

– Но папа... – отвечает малышка, и я машу головой, ласкаю дочку, прижимаю к себе и провожу пальцами по ее длинным прядкам.

– Это просто игра, Аля, просто игра, все хорошо.

И, чтобы перевести внимание дочки, я делаю обманный ход:

– А ты почему не спишь? Знаешь, который час?! Все малышки уже давно спят, вон даже твой Мистер Ушастик спит, а ты его выдернула из теплой кровати...

Начинаю журить дочурку за то, что не спит. Беспроигрышный вариант, как говорится.

– Мам... я спала... я, правда, спала... просто проснулась...

Качаю головой и улыбаюсь, стараюсь сдержать свои слезы, когда произношу сердито:

– Да и опять босиком... Сколько раз я тебе говорила, что, когда встаешь с кровати, нужно надевать тапочки?

– Ну... мам...

Малышка выпячивает обиженно губу, и я понимаю, что Алия рассержена. У нее характер Назара. Такой же вспыльчивый... и вот я заставляю малышку сфокусироваться на таких мелочах, как сон, а не на том кошмаре, который происходит здесь и сейчас в доме...

– Быстро в кровать и спать! – вновь привлекаю внимание Алии, которая поворачивает голову в сторону своей бабки, та наблюдает за нами и переводит вопросительный взгляд на Назара.

Будто молчаливый вопрос адресует сыну: «Почему он меня еще не вышвырнул из дома?»

Я тоже бросаю на Усманова взгляд, и холодные мурашки бегут по моему телу, когда вижу, как он глядит на меня. Будто испепелить готов.

– Мам, пойдем, считаешь мне сказку... иначе я не засну... ну, пожалуйста... Мистер Ушастик тоже просит...

Моя доченька вновь тянет меня за руку, и я понимаю, что

это единственная возможность увести Алию наверх и уложить, поэтому я, улыбнувшись, киваю:

– Только чуть-чуть, и спать...

Дочка тоже радостно кивает и берет меня за руку. Ребенок... Так легко переключить ее внимание. Только вот, когда делаю пару шагов в сторону лестницы, натыкаюсь на взгляд Назара, равняюсь с ним, и муж поднимает руку, его сильные пальцы смыкаются на моем локте, а в глазах вспыхивает предостережение.

Эти светлые глаза... Они обжигают. Даже сейчас, когда в них плещется злость... все равно мое раненое сердце замирает, потому что за секунду любовь не стирается, не уничтожается, она лишь покрывается ранами, волдырями, и каждое слово, которое сегодня произнес Назар, станет шрамом на моей душе, но это все потом...

Сейчас я думаю лишь о своей малышке, о ее психике, о ее детской душе, которую просто обязана сберечь...

– Пустя, Назар. Мне нужно уложить дочку и прочитать ей сказку... – произношу с нажимом и смотрю в глаза собственного мужа.

Между нами будто электрические провода натягиваются, щелкают разрядами от меня к нему и обратно. Кажется, еще мгновение, и меня сожжет до основания...

Я замираю под пристальным взглядом своего пока еще мужа и, будто подсудимый на суде, жду его приговора, внутренне молюсь, чтобы он отставил свою упертую гордыню, ко-

торая прямо сейчас разрушает наш брак, и понял, что я пытаюсь спасти нашего ребенка от сильнейшего душевного потрясения...

Только секунды идут, время течет, будто песок в прозрачной колбе, а Назар продолжает молчать. И это молчание не рискует нарушить даже моя свекровь.

Все же муж не тот мужчина, на которого можно повлиять вот так открыто...

Назар медленно скользит по мне взглядом, и каждый сантиметр моей кожи будто огнем обдаёт, пока наконец его светлые глаза не останавливаются на наших с Алией сплетенных пальцах.

Он глядит на наши руки так, что у меня сердце останавливается... Одного резкого движения достаточно, чтобы вырвать руку малышки из моих тонких пальцев...

И вновь Назар возвращает взгляд на мое лицо. Смотрит так, что у меня душа в клочья разрывается из-за его недоверия, из-за злых слов, которыми он в меня швырял, словно те были ядовитыми дротиками.

Сегодня муж проткнул меня насквозь, показав, что с самого начала наших отношений я была глупой и влюбленной дурочкой, которой манипулировали, чувства которой использовали, заставив подписать контракт, лишаящий меня всех прав...

Чувствую, как напрягаются пальчики моей дочки, долго я ее не смогу отвлекать, а пауза слишком затянулась, поэто-

му я вновь произношу сухими губами, ожидая решения собственного мужа:

– Прошу тебя, Назар. Дай мне уложить дочь... Позволь прочесть ей сказку, тогда Алия уснет...

Смотрю в яркие очи собственного мужа, пытаюсь донести до него, что если сейчас он не даст мне этого сделать, то, в первую очередь, навредит нашей дочери.

Секунды мчат со скоростью света, и Назар опускает взгляд на Алию, глядит на нее, и глаза моего мужа теплеют.

Будто вновь вижу своего любимого, того, кого знаю... Ведь Назар... Тот Усманов, которого я знаю, любил меня до умопомрачения, всегда был на моей стороне, всегда являлся моим надежным тылом...

Нашей семье завидовали. Когда мы с ним на мероприятия ходили, я чувствовала, как на мужа смотрят. С каким трепетом женщины, с каким почтением и уважением мужчины.

Мне завидовали!

Сразу вспоминаю, как в туалете нечаянно подслушала разговор двух светских львиц, когда еще только стала женой Назара.

– Видала избранницу Усманова?

– Боже... тихий ужас! Моль же! Ни кожи, ни рожи!

– Да ладно вам, может, ни кожи, ни рожи, но в постели, поди, умеет то, что вам и не снилось... иначе бы не взяла его за то самое и не держала бы так, что он ни на кого не

смотрит, кроме своей молоденькой жены...

Ни на кого не смотрит...

Никогда не смотрел. Я была в нем уверена, в себе уверена. Ведь не мог Усманов подумать, что я его предаю с его конкурентом, нам бы поговорить, но он... он будто оглох и ослеп, а в глазах – его ярость...

Кажется, что убить меня хочет, разорвать на части... И я также ощущаю, как любовь моя в ненависть превращается, потому что он не поверил мне, даже шанса на объяснения не дал, поверил... всем... кроме меня...

– Папочка... – подает голос Алия.

Малышка очень привязана как ко мне, так и к отцу. Усманов не из тех отцов, которые детьми своими не занимаются. Он с ней и в чаепитие играл, и помню, как я хохотала, когда увидела огромного мужчину, склонившегося в три погибели, чтобы уместиться за игрушечным столиком, с розовой игрушечной чашечкой в огромной руке...

Наша семья была счастливой...

Была...

А сейчас словно огромная бездна под ногами разверзлась, пропасть, которая отдаляет нас...

– Да, родная моя... – отвечает малышке, и мое сердце сжимается, потому что этот Назар – он тот, кого я люблю, но стоит ему глаза поднять и на меня посмотреть, как я вижу миллиардера Усманова – чужого, отрешенного, холодного.

Того, кого, оказывается, и не знаю...

– У тебя двадцать минут, – выдает сухо, отпускает мой локоть и шаг в сторону делает, дорогу открывает, вновь становясь безразличным.

Я ничего не отвечаю, беру дочку на руки и прохожу мимо собственного мужа. Мужчины, который за мгновения чужим стал.

Возможно, если бы у нас был шанс поговорить, если бы мы могли обсудить все, что произошло, с глазу на глаз, но...

Назар уничтожил все во мне, и теперь, когда я поднимаюсь в детскую, когда сажусь рядом со своей малышкой, когда начинаю читать ей книжку, я все думаю о том, что за ужас происходит в нашей жизни, как с этим справиться...

Алия засыпает, а я наклоняюсь и целую ее в лобик, пока-тый, чистый, убираю шелковистые волосики и наконец осознаю, что я буду бороться за дочь, а для этого я должна переговорить с мужем, должна с глазу на глаз пообщаться с Усмановым!

Я мысленно убеждаю себя в том, что это правильное решение, что нужно наступить на горло своей гордости и сделать это ради Алечки, только ради нее...

Сегодня Назар наговорил много всего, много обидных фраз бросил, но больше всего то, что он мне не поверил! Он повелся на какие-то фотографии и рассказы своей матери!

Хотя... должен был понять, что я верна ему! Господи, да я даже ни одного мужчину и близко к себе не подпускала, всегда был только он – мой Назар.

Влюбилась в него, как кошка, и мне казалось, что и он сходит по мне с ума, а вышло, что с самого начала были какие-то документы, которые я подписала, и мне дико интересно, что именно я подписывала...

Он сказал, что у меня нет прав ни на что...

Страшные мысли буквально взрывают мозг, и я бросаю отчаянный взгляд на свою малышку.

Понимаю, что должна попытаться! Должна попытаться ради Алии! И ради малыша, которого ношу под сердцем!

Я должна попытаться спасти свою семью!

Вернуть то, что у нас было, попытаться забыть колкие слова и обвинения Назара!

Я встаю с кровати, но, видимо, движение слишком резкое, голова кружится и накатывает тошнота.

Я бегу в ванную и едва успеваю склониться над унитазом, как меня скручивает в рвотном позыве. Меня вырывает пустотой. Вспоминаю, что весь день почти ничего не ела, накачивает слабость, да такая, что я просто падаю на холодный кафель, прикрываю глаза и стараюсь пережить прыгающие перед глазами мушки.

Не знаю, сколько я так лежу. Мне удастся прийти в себя, и только после того, как все перед глазами перестает кружиться, я поднимаюсь, опираясь о стенку.

Оправляю платье, открываю кран и долго мою руки под холодной водой, полощу рот, умываюсь. Прикладываю мокрую руку к шее...

Вновь смотрю на свое бледное отражение с горячечными глазами. Переступаю через себя, через свою слабость и решаюсь.

Я должна поговорить с Назаром с глазу на глаз!

Должна поговорить с ним, попытаться достучаться ради нашей семьи, ради нашей Али и малыша, которого я уже ношу под сердцем!

Дышу носом. Прогоняю тошноту. Хотя хочется пойти к дочке, лечь рядом с ней, поверх ее одеяла, прижаться, вдохнуть ее запах, который меня всегда успокаивает, и уснуть...

А проснуться в другой реальности, где нет того кошмара, который происходит, прижаться к Назару и рассказать ему о том, какой несуразный и дурной сон видела...

Посмеяться и утонуть в объятиях любимого...

Еще раз смотрю на свое бледное отражение с горячечным взглядом и выхожу.

Надо быть отчаянно храброй, чтобы защитить свою семью, чтобы хотя бы попытаться.

Я знаю буйный нрав Назара. Он очень вспыльчивый. Надо начать разговор с главного, с правильного, тогда будет шанс, что он меня выслушает.

И хоть мне обидно и больно из-за того, что муж не выслушал меня, что бросил в меня обвинения, я все равно считаю, что ради доченьки, ради своего еще неродившегося малыша... я должна наступить на свою гордость, должна попытаться поговорить...

Хотя... если Назар повелся на это все, он может посчитать изменой одно то, что я встретила с Булатом.

Я по факту виделась с другим мужчиной. С тем, кого по каким-то неведомым мне причинам мой муж ненавидит до глубины души. Эта неприязнь взаимная...

И если подумать, если бы я могла повернуть время вспять, я бы сто раз подумала, прежде чем сгоряча звонить чужому мужчине и договариваться о встрече.

Нельзя было так поступать. Нужно было успокоить сестру, проводить ее до дома, а потом... потом дожидаться мужа и поговорить с ним с глазу на глаз...

Возможно, тогда бы ситуация была бы иной...

– Черт! – выдыхаю в сердцах и бью ладонью по раковине.

Ну скажи я все мужу, что бы было?!

Во-первых, я бы подвела сестру...

Больно это осознавать, но Ириска посчитала бы меня предательницей, и, возможно, на первый взгляд, Ираида была бы права...

Но. Ее обида и боль – это самое безобидное из всего, что могло бы быть.

Я не могу предугадать реакцию собственного мужа. Нынешняя ситуация говорит именно об этом. Что если бы Назар не принял того, что произошло между Булатом и Ири. Что если бы он наклеил на лоб моей сестры ярмо?!

А если бы он сцепился с Булатом? Если бы и вовсе пришел в отцовский дом и начал вещать про то, что у него утеч-

ка информации, слив с компьютера, при том домашнего... и опять все бы ниточки могли привести... ко мне...

Так выходит?!

Мой мозг отказывается обрабатывать информацию. Мне с каждой мыслью становится все хуже. Физически, душевно, морально...

Мне кажется, что вокруг меня какое-то змеиное гнездо, и я не знаю целей, не знаю причин... не понимаю, почему моя отлаженная жизнь скатывается в бездну.

Выхожу из ванной, подхожу к кровати своей доченьки...

Получается, что на одной чаше весов сестра, а на другой — моя семья...

Но есть еще третий фактор. Я надеюсь, что смогу докричаться до Усманова. Надеюсь, что Назар именно тот мужчина, за которого я замуж вышла, а не незнакомец, которого я лицеизрела сегодня.

Я надеюсь, что он все же не будет рубить с плеча... Образуется...

Дочка поворачивается на другой бок и прижимает к себе своего зайку, забавная такая, нежная... моя добрая девочка, которая любит малину и не терпит овсяную кашку, поэтому я наострилась добавлять в кашку эту ягоду, чтобы малышка моя завтракала правильно...

Так и в жизни... Если хочешь достичь определенного результата, горькую пилюлю можно как-то преподнести иначе, исхитриться и, возможно... возможно... все будет не так уж

и плохо...

С этими мыслями я подбадриваю себя и покидаю детскую, не подозревая, какой сюрприз ждет меня внизу...

Глава 4

Я медленно спускаюсь по лестницам. Взгляд цепляется за безделушку, которая свисает с перил...

Этот дом... Он мой... Когда Назар привел меня сюда, первое, что он сказал:

– Это наш дом, любимая, твой дом, и я хочу, чтобы ты его обустроила, чтобы принесла сюда свое видение...

Поэтому все безделушки, за которые цепляется взгляд, – они все мои... все выбирались мною, с душой я подошла ко всему, обновила все, вплоть до штор, а нашу спальню... затем и детскую я сама создавала с нуля, делала дизайн-проект, даже помню, как разрисовывала стену в детской Алии...

Теперь там на стене живет огромный белоснежный жасмин... цветок востока... Тогда я уже знала, что ношу под сердцем сердце... мой цветок... мою доченьку...

Я ведь всегда неплохо рисовала и когда-то мечтала быть художницей, но... не сложилось. Отец посчитал, что это не профессия... до этого я мечтала заниматься балетными танцами – тогда вообще в доме был скандал.

– Моя дочь не будет вилять задом и размахивать ногами на сцене! Это прямой путь в бордель!

Тогда я была подростком и сильно переживала. После того, как заявила, что хочу быть танцовщицей, меня резко забрали с балетного кружка и запретили продолжать занятия.

А я сбежала на соревнование... подделала подпись отца и... мы с моим партнером выиграли первое место. Про нас даже в прессе написали...

Я рассчитывала на то, что моя победа заставит отца гордиться, понять, что это все серьезно, но единственное, что я смогла получить, – это пощечина и горящая щека...

Тогда я закрылась в комнате и рыдала всю ночь, а утром сама разбила свой кубок и поставила крест на юношеской мечте.

Мне было сложно. Порой тяжело. Потому что душа будто бы рвалась в клочья, и именно тогда я ушла с головой в другое свое хобби – живопись, но и эта профессия пришлась не по душе отцу...

В отличие от моей младшей сестры, которая лет с пяти мечтала стать врачом и всегда ставилась мне в пример, несмотря на свой возраст. Мол, смотри, какие установки по жизни. Не чета тебе...

А я всегда была склонна к гуманитарным наукам. Я любила петь, танцевать, рисовать...

Но ни одна из этих профессий не могла вызвать одобрение врача.

– Лучше бы мечтала врачом стать, как Ираида! Или же учительницей... – в сердцах выдыхал отец и стрелял в меня недовольным взглядом.

Меня ограничивали, зажимали, в тиски будто брали, и встреча с Назаром показалась дуновением свежего ветерка,

потому что он меня ни в чем не ограничивал, мы поженились. Когда я была на последнем курсе...

Да. Пришлось стать рекламщиком. Эта профессия пришла по нраву отцу, а мне было все равно. Хотя так казалось, что я буду соприкасаться с миром искусства, ведь продвижение и реклама тесно связаны с дизайн-проектами, которые я сама же могла и создавать...

В отличие от младшенькой, я никогда не пользовалась особым расположением семьи и мне будто вбивалось в голову, что если муж захочет и сочтет нужным, то заберет мои документы из университета. Не даст мне получить высшее образование, но...

И когда я аккуратно поинтересовалась у Назара, каким он видит мое будущее, у меня сердце замерло, когда тот ответил совершенно серьезно:

– Я наводил о тебе справки, Сат. Ты идешь на красный диплом. Одна из лучших студенток факультета, и я уважаю тебя за твои стремления, за старательность. Я буду горд, когда ты с блеском закончишь, и сделаю все, чтобы ничто не препятствовало твоей учебе. Постараюсь ограничивать себя в аппетитах и давать тебе высыпаться...

Помню, как засмеялась тогда, ощущая, что поводок никто не собирается накидывать мне на шею, а ведь тогда я всерьез раздумывала и вовсе бежать, если мне вдруг скажут, что я без прав...

Но Назар всегда удивлял... Своим отношением. Тем, что

с ним я начала быть более раскованной, уверенной, он менял меня, заставляя раскрываться, надевать более провокационные наряды, и будто крылья за спиной распахивались.

– У меня назначена также и практика, и вообще я хочу работать, – сообщила я тогда и прикусила губу.

– Отлично. Мне как раз в одной из дочерних компаний нужна толковая практикантка... ну и, если проявишь себя, директор возьмет тебя на полставки.

– Не ты, значит? – усмехаюсь, а Назар серьезно смотрит на меня и качает головой.

– Нет. Сама. Родная. Я не вмешиваюсь по таким пустякам, как набор сотрудников. Ты проявишь себя, я уверен в тебе, как в себе, Сат...

– *Уверен, как в себе...* – вспоминаю с горечью, и слезы обжигают.

Куда это все делось?

И вновь перед глазами волевое лицо моего мужа и губы, которые растягиваются в сексуальной улыбке:

– Только уж прости, родная, но я не хочу, чтобы жена пахла с девяти до шести и, когда я приходил домой, выглядела уставшей и убитой работой и домашними заботами...

Помню, как рассмеялась в тот момент, и Назар замер, смотрел на меня, не мигая, а затем притянул к себе и поцеловал. Дико. Со страстью. Так, как умел...

– Я хочу, чтобы ты сияла, Сат... Все для тебя сделаю... Весь мир к ногам положу...

Ступаю на последнюю ступень и замираю. Я рассчитывала увидеть перед собой Назара... Взглядом ищу собственного мужа, но не нахожу, по инерции гляжу в сторону его кабинета, но дверь закрыта, и я каким-то чутьем и интуицией понимаю, что мужа моего дома нет.

Вот просто не ощущаю его энергетику, и вместо этого взгляд выхватывает чемодан, который стоит посередине комнаты...

И только после этого я замечаю свекровь, а еще... еще вижу, что у нас гости в лице моей золовки. Измира сидит на диване с опухшим от слез лицом, с глазами, полными слез, а моя свекровь обнимает дочь, проводит по ее длинным волосам сухой ладонью, будто успокаивает.

Что-то у меня в груди дергается. Хочется также подойти и согреть теплом рук тонкие плечи младшей сестры Назара, но... при виде меня золовка вскидывает голову и стреляет в меня недобрым взглядом.

Испепеляющим просто. В этих глазах я самую настоящую неприязнь читаю.

– Эта женщина еще в доме моего брата?! Почему она все еще здесь?! Мама! – шипит, подобно ядовитой змее, а я в ступор впадаю.

Меня просто накрывает каким-то оупением, потому что мы с Измирой были не то чтобы подругами, но точно не врагами, а сейчас... сейчас я в ее взгляде столько ненависти вижу, что дурно становится, сердце сжимается.

– Она уже уходит, успокойся, дочка, – выдает моя свекровь и с нажимом глядит мне в глаза. – Вон пошла из дома моего сына! – повышает на меня голос и встает, упирает руки в бока, готовая к самой настоящей базарной перебранке, а я настолько в шоковое состояние впадаю, что даже ответить ничего не могу, лишь перевожу взгляд с одной женщины на другую.

– Пусть она уйдет! Мама! Пусть уйдет! Из этого дома! Из нашей жизни!

И истеричный голос моей золовки будто иглами проскальзывает по мне, а свекровь успокаивает дочь, бросая испепеляющие взгляды на меня.

– Тише, дочка, сейчас... сейчас она исчезнет из нашей жизни навсегда!

Мне это все какой-то сюр напоминает. Ущипнуть себя хочется, чтобы от кошмара очнуться, только он наяву со мной происходит...

– Где мой муж?! Я должна поговорить с Назаром! – выдыхаю и пальцы в кулаки сжимаю. – Я не уйду, пока не поговорю с ним с глазу на глаз!

– Да как ты смеешь?! – выкрикивает Измира и вскакивает с дивана. – Я тебя сейчас сама за дверь выкину, как дворняжку! Как столько лет Назар, вообще, тебя терпел?!

Рвется ко мне, кажется, что сейчас нападет на меня, но свекровь дочь свою ловит за локоть.

– Успокойся, Измира! В твоем состоянии нельзя так нерв-

ничать! Подумай о своем сыне! Ты наследника семьи носишь, и какая-то дешевка не стоит твоих нервов.

– Да... ты, как всегда, права, мама, – отвечает золовка-змеиная головка и кладет руку на округлый живот. – Всевышний меня благословил, наследника-первенца послал...

Свекровь одобряюще улыбается дочери, даже плечи выпрямляет, демонстрируя, насколько горда своей дочерью, которая сразу же забеременела и недавно обрадовала всех новомодным гендер-праздником, где они с мужем торжественно открыли коробку, из которой вылетели голубые шары вместе со снимками УЗИ и с заверением врача, что Измира носит наследника...

Помню, как я сердечно поздравляла золовку и как она улыбалась, принимая мои поздравления, но в глазах все же был замечен огонек превосходства, так как девушка, в отличие от меня, справилась с задачей женщины и родит в скором времени сына...

Мы же с Назаром, как мне казалось, были далеки от подобных заблуждений. Для меня ребенок – всегда благодать и божье благословение, и неважно, какого он пола...

Главное – это счастье, которое придет в дом вместе с приятными хлопотами...

– С твоим мужем все будет хорошо, доченька! Не волнуйся! Ты скоро родишь сына, Измира. Думай об этом, а с этой, – кивок в мою сторону и пренебрежительно сжатые узкие губы, – я сама справлюсь.

Свекровь резко разворачивается и смотрит мне в глаза, а я вскидываю подбородок и заявляю со всем своим отчаянием:

– Я не уйду, пока с Назаром не поговорю!

– Зато он все тебе сказал! Вон пошла!

– Нет! Я хочу говорить с Назаром! – вновь выговариваю и повышаю голос, почти кричу, зову мужа, меня самой настоящей истерикой накрывает. – Назар! Назар!

Но свекровь цепляет меня за локоть и больно сжимает, дергает в сторону двери.

– Чего разоралась?! Нет его! Сын уехал! – рявкает зло и тянет меня в сторону двери со злым и каким-то победоносным блеском в глазах. – А сейчас забирай свой чемодан и выметайся из этого дома! – Толкает, и я оказываюсь рядом со своим скарбом.

– Вы рылись в моих вещах? – спрашиваю ошалело, не могу до конца поверить в то, что происходит.

– Налегке пришла, налегке и уйдешь! И запомни. Здесь ничего твоего нет!

Глава 5

Назар

Пожимаю руку своего нового партнера по бизнесу. Сделка прошла на грани фола, учитывая тот звездеч, который происходит вокруг меня...

Авария на верфи... Это серьезно. Это очень серьезно. Удар в спину валит с ног. И я это воспринял слишком близко к сердцу.

Люди погибли. Люди, за которых был в ответственности. И тяжесть на сердце. Потому что позволил конкурентам подгадить. Диверсию устроить. И сейчас дело открыто. Смотрят причину неполадок... А я уверен, что с моей стороны все чисто было. Лично проверял. На контроле все...

И такой армаггедец...

Завелась крыса. Факт. Причем действуют конкуренты очень жестко. Жестоко...

Это уже не вопрос промышленного шпионажа. Это куда более серьезно.

И есть несколько человек, которых подозреваю, и первый в этом списке – Аббас Багиров. Имя, которое набило оскомину. Человек, с которым мы не просто враги. Бывшие когда-то друзьями... Уже не просто война у нас с Багировым.

Игра на выживание идет. Живым из этой канители выйдет один. Либо все, либо ничего. Либо пан, либо пропал. Мил-

лиарды на кону и вопрос влияния.

Ставки слишком высоки, а тендер, который маячит на горизонте, слишком важен.

– Клыкастый ты, Усманов, не хотел бы я быть в ряду твоих врагов, – выговаривает Дмитрий Иванович Мартынов, мой новый контакт в самом верху, человек, от которого во многом также зависит и будущее.

– Зачем же быть в моих врагах, когда можно числиться в друзьях? – ухмыляюсь, и Дмитрий Иванович вновь кивает.

Всем видом показываю, что у нас с этим мужиком доверительные отношения и партнерство, которое сулит золотые горы. Но по факту это все показуха. Не по своей воле Мартынов ко мне на поклон пришел. Пришлось надавить, использовать рычаги давления. Мне нужен его завод. И он мне его на блюдечке отдавать, конечно, не станет, но в ближайшее полгода я прогну совет директоров и поставлю своих людей на местах. Эта сделка слишком важна и перспективы открывает не шуточные.

В большом бизнесе так. Куш высок, но и ставки такие же. Можно стать королем или потерять все. На полутонах не играю.

– Я рад, что мы друг друга понимаем, Усманов, – растягивает губы в подобие улыбки, отчего жирные щеки налезают на уши.

Не люблю, когда мужик за собой не следит, себя в ежовых рукавах не держит.

Мартынов разваливается в кресле передо мной, тянется к графину, наливает себе бесцветной.

– Ну за бабки, Усманов. За большие бабки. И за свершения.

Киваю. Но сам к гадости не притрагиваюсь, лишь рюмку поднимаю. Привык, что люди продаются и покупаются. Даже те, кто говорят о своей неподкупности. Вопрос лишь в цене.

Всегда так думал. Но жизнь приятно удивила. Все же есть несколько человек, которое стали для меня ценностью.

– Ну что, Усманов, отметим? – улыбается Мартынов. – У меня тут девочки, как на подбор. Все сделают. Только шелкни.

Откидываюсь в кресле. Смотрю на Мартынова. Подмечаю золотое обручальное кольцо на толстом пальце.

– Воздержусь, Дмитрий Иванович. Не люблю личное с деловым мешать.

Прищуривается. Не нравится мой ответ. Может, надеялся, что я с моделькой-эскортницей какой уединюсь и он быстренько нащелкает компромат, который в нужный момент использует?

Ну так. Опять мимо, Мартынов. Я грязь в дом не тащу. А то, что это все грязь, даже не вопрос.

– Не хочешь, значит?! – говорит с каким-то укором, телефон в руке крутит, на экран посматривает, и в этом жесте я какую-то угрозу считываю.

Будто на экране он просматривает новостную ленту, что

ли...

– Назар, Назар... все кутят, развлекаются, один ты брезгуешь левыми бабами или просто шифруешься, а, Усманов?! В нашем мире уважающий себя мужчина должен и жену иметь, ну и модельку какую, актрисульку, чтобы, так сказать, пиарила... для проформы так сказать... – ржет и огурцом закусывает.

Прищуриваюсь и отвечаю совершенно серьезно, не ведусь на подобные шутки:

– А что, если я жену-красавицу свою люблю и ей верен?!

Мартынов смотрит на меня внимательно. Приподнимает бровь в изумлении.

– Даже так? – ухмыляется.

– Именно так, – подтверждаю.

– В наших кругах не принято верность блюсти. Каждый статусный мужчина может себе позволить как жену, так и любовницу содержать. Ну и жены верностью не отличаются...

Вроде и в шутку сказано. Но по факту все четко. Я знаю, в каком мире верчусь. Что называется, с молоком матери впитал, но все же есть для меня определенные понятия и ценности, и это не про мораль.

Это про принципы.

– Похвально, однако, Усманов. Даже не верится, что ты остепенился...

Опять давит, прощупывает. Не прост Мартынов. Иначе на

такое место бы не присел.

– Но часто такие вот принципиальные обжигаются сильно. Моргает раз-другой. Почему-то смешок в себе давит, а я вот напрягаюсь не на шутку, потому что Дмитрий Иванович телефон в руке покручивает, и мне становится не по себе.

Чутье срабатывает.

Предчувствие...

Не знаю, как это назвать, но еще до того, как мой новоиспеченный партнер повернул мобильник в мою сторону – я уже чувствую, что то, что увижу, меня не обрадует...

И я не ошибаюсь.

– Ты посмотри, Назар... Видимо, ты не в курсе, но новостная лента пестрит снимками и не только...

Прищуриваюсь, брови на переносице смыкаю и телефон борова с белоснежной скатерти цепляю, провожу пальцем по экрану и... не верю глазам своим!

Быть такого не может! Кажется, что подделка, что кадры оффотошоплены.

– Мои спецы уже проверили. Инфа – подлинник, – раздаётся голос Мартынова, вырывая меня из вакуума дикой ярости и ревности.

У меня в груди будто пламя зажигается...

Поднимаюсь резко и телефон партнера на стол бросаю. Особо не заморачиваюсь тем, что прямо сейчас Мартынов видит мой звериный оскал и ярость, которая по венам течет.

– Мне нужно идти, – произношу грубовато.

– Конечно, сынок. Иди-иди... Я все понимаю. Сам когда-то молодым да горячим был...

Стул отодвигаю с резким скрежетом, и я разворачиваюсь. Иду на выход. Свой телефон цепляю из кармана пиджака.

Прикидываю, насколько Мартынов может быть причастен, конечно, не ведясь на этот вброс. Делаю звонок начальнику службы безопасности.

– Кадры с моей женой. Мне надо понять, кто эту подделку изготовил и откуда вброс.

Даже мысли допустить не могу, что на кадрах может быть Сати...

Имя Аббаса Багирова у меня вызывает всплеск дикой ярости, и я не хочу, чтобы хоть мимолетно, но пострадала Сати из-за вброса...

– Киран, и что у нас по диверсии? У тебя информация есть?

Переключаюсь с темы, чтобы хоть как-то мысли свои в другое русло направить, потому что стоит только мимоходом позволить себе на мгновение бросить взгляд на экран с фотографиями, как у меня все внутренности выкручивает.

Только вот начальник моей службы безопасности почему-то молчит, а я выхожу на улицу и сажусь в тачку.

– Есть, – наконец отвечает четко.

Правда, нрав мой знает и знает, что головы полетят с плеч всех причастных.

– Значит так. Я в офис подъеду. Не телефонный разговор.

Заодно и спецов всех поднимай, чтобы к моему приезду вы уже знали, кто вбросил фейковые фото в сеть...

Отключаюсь. Отбрасываю телефон, как ядовитую гадюку. Намеренно не хочу открывать и вглядываться, так как даже мысли подобной не допускаю.

Тот, кто сделал эти снимки, явно новичок в деле, потому что ну никак не может моя Сатина быть хоть как-то связана с моим врагом.

Перед глазами сразу же образ жены своей воскрешаю. В тот самый день, когда я пришел к ним в дом.

Откровенно говоря, папашка моей жены проштрафился. Seriously. Из-за него моя компания чуть не влетела на огромные суммы, и неустойка грозила фирмочке поставщика серьезная.

Только вот мне напisyвать начали его адвокаты, отправляли слезные письма с просьбами от самого Селима, чтобы не отправлял несчастного в тюрьму, что больной он, что сердце не выдержит... Что после инфаркта и так далее...

Захотел я лично пообщаться с проштрафившимся мужичком, чтобы не через третьих лиц, потому что при более детальной проверке выяснил, что мужик конкретно попутал, теневые схемы проворачивал и хотел мне не то сырье поставить, что позже привело бы к ужасающим последствиям. Могли люди пострадать. Невиновные.

И это уже не про неустойку. Это уже про то, что обнародуй я это все и мужику грозил бы срок.

Только придержал все тогда, захотел заглянуть в глаза, чтобы тот понял, с кем играть решил и что сошка слишком мелкая, чтобы против акулы идти.

Пока слушал оправдательные сбивчивые речи в доме Исмаилова, уже подустал от червя, который извивался под ногами, пытаясь выбить для себя пощаду...

Только никакое больное сердце не может оправдать откровенное желание нагреть руки на чужих деньгах и за счет чужих жизней. Не прокатит.

Уже хотел озвучить свой приговор, как дверь в кабинет открылась, и я услышал вопросительное:

– Папа?

Девушка в кабинет вошла, буквально несколько шагов сделала, прежде чем замереть испуганной птичкой.

И сразу же в глаза мне бросилась.

Распущенные длинные кудри, светлая кожа, миндалевидные глаза с длинными ресницами...

Не с наращенными, как это сейчас принято, а с настоящими, загнутыми к удивленно вскинутому, аккуратным бровям...

Пухлые розовые губки забавно раскрылись в букве «о», и тонкий носик дернулся, когда она совершенно не сексуально шмыгнула...

Не слишком высокая девушка в голубом платье, которое обтянуло фигурку статуэтки...

Вообще не мой типаж. И близко нет. Но...

Зацепила сразу же...

Что-то екнуло, когда взгляд огромных шоколадных глаз на меня перевела...

И меня потянуло. Впервые потянуло к девушке не как к объекту удовлетворения моих сексуальных желаний.

– П-простите... – извинилась быстро, смешалась и упорхнула, махнув длинными прядками, исчезла, быстро прикрыв за собой дверь, а я все смотрел на закрывшуюся створку, потом на мужичка в кресле глаза опустил.

– Как зовут?

Исмаилов непонимающе хлопнул глазами.

– Селим.

– Не тебя. Ее.

Мужичок в удивлении глаза распахнул, и в них я заметил блеск, который обычно появляется у торговцев, когда они хотят товар свой выгодно продать.

– Сатина, дочка моя... Любимая...

Просто невозможно. Отбрасываю ненужные мысли и концентрируюсь на дороге, смотрю на трассу, хотя кровь кипит и ярость требует выход.

С Багировым у нас давние разборки, и когда-то... очень давно... мы друзьями были. Вернее, я в нем друга видел. А теперь врагов более непримиримых, чем мы, просто нет.

И не могла моя Сати...

Не. Могла.

Выруливаю к офису, на проходной охранник вытягивается в струнку при виде меня, но отчего-то глаза прячет.

Кажется, новость распространилась с скоростью вируса, а за то, что мужик на постовой в телефоне зависает, – штраф на первый раз, в случае повтора – увольнение.

Вхожу в лифт, и серебряные створки отрезают меня от холла. Поднимаюсь на этаж, киваю на приветствия сотрудников, прохожу к кабинету, едва бросая взгляд на секретаршу.

– Нина, мне кофе крепкий, двойной и Мадабаева ко мне пригласи. Живо.

– Будет исполнено, господин Усманов! – отвечает женщина, чуть ли не на стуле подпрыгивая.

Прохожу в кабинет и застываю у огромного панорамного окна. Специально не набираю жену. Темперамент у меня не дай бог, и я знаю об этом, поэтому избегаю разговора с Сати. Не сейчас.

В последнее время все наперекосяк и проблемы одна за другой.

Всегда думал, что дом эта участь минует. Что есть хоть одно место, где я могу спокойно положить голову на подушку, прикрыть глаза и отдохнуть.

Стук в дверь, и секретарша заходит, слегка поворачиваю голову в ее сторону, держит в руках заказанный кофе. Бросаю короткий взгляд на миловидную женщину, которая одета в строгий костюм, соблюдая дресс-код.

Другого формата не приемлю. Все знают. И не рискуют лишний раз на глаза появляться, особенно когда не в духе.

А я не в духе все последнее время, учитывая какой треш происходит вокруг меня.

– Спасибо.

За Ниной дверь закрывается. Я запах кофе чувствую. Ароматная крепкая арабика. Но в желудке спазм. Пить не могу. От напряжения позвоночник натягивается. В таких случаях лучшее лекарство – хороший махач на боксерском ринге. Думаю, что вечером я несколько часов проведу в спортзале один на один с грушей, выбью всю дурь из мозгов.

Вновь стук в дверь, и я разворачиваюсь. Кулаки прячу в карманах брюк. Упираю взгляд в квадратное лицо начальника службы безопасности.

Проходит размашистым шагом и папки мне на стол кладет.

Застывает на месте и глаза в пол...

Не нравится. Не рискует мне в глаза смотреть. Знает о моем нраве, и, вероятно, информация, которую принес, не радужная.

– Что с вбросом про мою жену? – спрашиваю с расстановкой, и Киран нижнюю губу жевать начинает.

– Не слышу тебя, – выдаю с нажимом.

– Не вброс это, хозяин.

Всего несколько слов, и я чувствую, как пальцы, что в кулаки сжал, хрустят. Мне кажется, что я ослышался, что мне

только что битой по голове зарядили и я просто на грани аута.

– В смысле «не вброс»? – повторяю фразу, и огромный мужик мнется передо мной, словно дева на выданье.

– Хозяин... Назар Муратович... наши спецы проверили... все перерыли... настоящие это кадры. Не фейк. В папках все в деталях расписали...

Автоматной очередью. Пулями по мне.

Вынимаю руку из кармана, быстро подхожу к столу и папку распахиваю, пробегаюсь по строчкам и чувствую, как в груди припекает, как пульсирует и кровавая пелена перед глазами словно.

И единственное желание – крушить все. Разбить. Уничтожить.

Потому что не может такого быть!

Чтобы моя Сатина...

Двигаю головой из стороны в сторону, позвонками щелкаю, даю выход напряжению хоть на мгновение.

– Это еще не все, – добивает меня Киран, – есть еще кое – что...

Слышу скрежет собственных зубов.

– Что еще?!

Опускает взгляд, будто самому неприятно и говорить не хочет.

– Мадабаев, ты чего мнешься, как девка?! – рычу уже практически, и мужик вскидывает на меня глаза, в себя при-

ходит и выдает, словно дротиком в меня швыряет, добивая:

– В синей папке анализ. Утечка данных, которую мы искали... она с вашего компьютера произошла...

– Что. Ты. Несешь?!

Наклоняюсь и ладони в стол упираю, прежде, чем стол летит в стену, слышу: – Да. Хозяин. Все четко. Утечка базы данных. С Вашего компьютера произошла. Домашнего...

Мир летит к чертям, как и стеклянный стол, который раскалывается, влетая в стену...

Глава 6

Сати

– Налегке пришла, налегке и уйдешь! – Слова свекрови ударяют наотмашь, а затем она вдруг берет телефон и делает звонок.

– Подойди, – дает кому-то приказ, и буквально через мгновение появляется один из охранников с каменным лицом, чтобы посмотреть на мать моего мужа.

– Убери эту женщину из дома и больше никогда не впускай!

Охранник на мгновение замирает, вижу, как расширяются его глаза от удивления, но буквально через мгновение короткостриженный широкоплечий шкаф берет себя в руки и поворачивается ко мне.

Явно готовый исполнить приказ.

– И это отсюда заberi! – указывает женщина на мой чемодан.

– Что здесь вообще происходит?! – в ужасе задаю вопрос, но меня уже никто не слушает, мужчина подхватывает мой чемодан и берет меня под локоть, словно тисками сжимает, тянет вперед, к входной двери, а я упираюсь изо всех сил!

– Вы не посмеете так поступить со мной! Не посмеется! Я не отдам вам свою дочку!

– Все права на ребенка у нашей семьи, а ты никто, – летит мне в спину ядовитый голос свекрови.

Меня вытаскивают на улицу, а я будто в какой-то прострации, я себя не помню, не понимаю, что кричу, как сопротивляюсь, возможно, даже дерусь, но стоит двери за моей спиной захлопнуться, как я обмякаю, наверное, даже в обморок падаю.

– Госпожа... госпожа... успокойтесь...

Слышу голос амбала, который чуть ли не на весу меня продолжает держать одной рукой, а я кулем вишу в его руке, просто безвольным.

– Не усугубляйте свое положение... уходите...

Меня тошнить начинает, больно становится... нереально больно... Охранник выводит меня за ворота, сажает в какую-то машину, с трудом понимаю, что это такси...

Амбал укладывает мой чемодан в багажник и вкладывает в мои руки сумочку.

А я даже не понимаю, что происходит. Ничего не понимаю...

Не осознаю, вернее...

– Моя дочка... – шепчу, и слезы из глаз ручьем текут. – Мой ребенок...

Порываюсь выйти из машины, но чертов охранник не позволяет мне выбраться из машины, заглядывает мне в глаза и выдает с нажимом:

– Просто уезжайте, Сатина Селимовна, уезжайте... у ме-

ня приказ... я буду вынужден исполнить, если будете сопротивляться...

И что-то такое нехорошее, предостерегающее в этих бездушных глазах проскальзывает, что страшно становится...

Меня никто не пожалеет, а я поднимаю взгляд и смотрю поверх головы охранника, смотрю на окна детской, где сейчас сладко спит моя Алечка...

– Я отомщу. За все отомщу. За каждую пролитую слезинку... – шепчу едва слышно, и дверь захлопывается.

Такси увозит меня от дома, в котором осталась моя дочка...

– Куда едем?

Внезапно раздается голос водителя, и я моргаю ошалело. Не понимаю, что происходит со мной.

Где я? Какой-то шок, оторопь.

Медленно сглатываю и понимаю, что не знаю...

В дом отца ехать не вариант... Я просто не пойду туда, потому что как минимум начнутся вопросы, как максимум истерика матери и гнев папы...

А у него сердце...

Я не могу вернуться в дом, так как это позор, но сейчас я не об этом думаю, они узнают все... не от меня, а из новостей, в них меня свекровь тыкала.

Просто я хочу выиграть немного времени, чтобы побыть со своими мыслями, со своей болью, чтобы собраться, встать

на ноги... понять, что же мне делать...

На автомате рука сама стремится к сумочке, и я достаю оттуда связку ключей, задумчиво верчу и перебираю ключики...

И на глазах слезы, потому что еще утром у меня был дом, а сейчас... сейчас я чужая везде, чужая, и мне нужно понять, как ребенка своего спасти, как...

Слезы текут... я не знаю, что делать... куда податься...

– Девушка... вы не определились? – вновь вопрос безэмоционального таксиста, которому глубоко наплевать, почему женщину с одним чемоданом посадили в его машину и почему она ревет в три ручья...

Неожиданно пальцы цепляются за один из ключей, будто колет подушечки, и я опускаю взгляд, гляжу на один из ключей...

Сердце обжигает от воспоминаний, и я называю точный адрес.

Водитель удовлетворенно кивает, я к окну отворачиваюсь, а сама будто падаю в свое воспоминание.

– Куда ты меня ведешь, Назар? – иду на ощупь, с закрытыми глазами, а муж меня за руку ведет.

– Это подарок... – слышу улыбку в его голосе.

– Ты не дашь мне посмотреть?

– Подожди... еще рано... Вот сейчас можно...

Распахиваю глаза и замираю в изумлении, поворачиваю голову и смотрю на мужа...

– Назар?

А сама вижу его жгучий взгляд, который скользит по мне, его руки, которые прижимают к себе...

– Я просто понял, что с твоим университетом проблема, тебе слишком далеко мотаться из нашего дома, и в итоге... моя жена почти не спит, и я бы хотел, чтобы ночи мы проводили более жарко, но тебе слишком рано вставать и бежать, а я ревную... – говорит и каждое слово перемешивает с поцелуями, которые легко касаются виска, скулы, затем опускаются к губам, и мой муж шепчет дальше: – Это мой подарок, родная, ты говорила, что всегда хотела иметь что-то свое... я запомнил...

– Назар... – шепчу и обнимаю мужа. – Ты... мне даришь... эту квартиру?

– Уже подарил, родная, она твоя...

Тянет меня к окну, останавливается за моей спиной и прижимает к себе, а я чувствую, как у него тело напрягается, жар ощущаю, которым меня обдает.

– Смотри. – Одергивает штору, и я университет свой вижу буквально в шаговой доступности.

Охаю в удивлении, а Назар горячо шепчет мне в ушко:

– Теперь у меня будет больше времени, чтобы ласкать и любить свою жену, лишние два-три часа...

Смешок, а потом... потом он разворачивает меня, и я обхватываю его ногами, когда муж приподнимает меня и начинает ласкать так, что мои стоны вскоре перерастают в жар-

кие крики...

– Приехали, – рапортует водитель, останавливаясь и выбивает меня из жарких снов, а я пальцами до щек своих достагиваюсь и понимаю, что слезы все текут.

Выхожу из такси, забираю свой чемодан и смотрю на окна дома, в котором располагается квартира... принадлежащая мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.